

Моск. новости, — 1996, — 4-11 февр. — с. 37

Михаил Козаков — за свет в конце тоннеля

ТЕАТР

Появление в Москве
Михаила Козакова, постоянно
живущего теперь в Израиле,
произвело почти фурор.

В Доме актера, например, где Козаков репетировал с Татьяной Догилевой, Ольгой Аросевой и другими артистами комедию Нозля Коуарда «Необыкновенный сеанс» (перевод Михаила Мишина), ему внимали с восторгом. Возможно, сказалась ностальгия по тем временам, когда новый спектакль или фильм были куда важнее, чем политические новости. Козаков весь оттуда и продолжает работать так, словно хочет забыться в этой бешеной гонке. Помимо репетиций, он заключил в Москве договор на новую книгу, записал на радио Бунина, сделал поэтическую передачу на саратовском ТВ, сыграл в Петербурге спектакль с Валентином Никулиным. Русская антреприза Михаила Козакова показывает в Израиле свои спектакли: «Возможная встреча», «Чествование»; привозила туда «Игроков», «Согну», «Поле битвы после победы принадлежит мародерам».

С актером и режиссером беседует обозреватель «МН» Нина АГИШЕВА.

— Ваша антреприза приносит доход?

— Что-то приносит, но это тут же тратится на новый проект.

Сейчас репетируем и волнуемся: как примут постановку в Израиле? Там сейчас настоящий театральный нон-стоп: только что выступали ребята из студии Табакова, до этого были «Служанки» Виктюка, «Коварство и любовь» БДТ.

— Вы уехали в Израиль, растерявшись перед нагрянувшим в Россию рынком, а вернулись коммерсантом?

— Нет, я не коммерческий человек, да и на том театре, который я исповедую, денег не зарабатываешь. Антреприза возникла потому, что появилась наконец возможность поставить любимые пьесы.

В Израиле я впервые в жизни могу заниматься только тем, что мне интересно. Написал, например, книгу «Третий звонок». Там есть главы о Татьяне Самойловой, Олеге Борисове, Тарковском, есть мое понимание драмы, которая случилась в Театре на Бронной: я не хотел об этом писать, но когда прочитал дневники Эфроса, понял, что диалог продолжается. Отдель-

Михаил Козаков с сыном Кириллом

ная глава посвящена V съезду кинематографистов, тогдашней всеобщей, в том числе и моей, эйфории (хорошо сказал об этом Самойлов — «бунт на коленях»). Куда все это ушло, как получилось, что тот, кто ниспровергал Бондарчука, теперь говорит: «А я вообще за Сталина»?

— Вы не живете в России уже пять лет. Какие перемены вас особенно поразили?

— Представьте себе, свобода печати. Человеку моего поколения трудно привыкнуть, что в России теперь обо всем можно писать и говорить. Еще — на удивление живой театр. Когда я уезжал, казалось, театр никому не нужен. Сегод-

ня я слышу его пульс, вижу движение. Правда, есть современные спектакли, но нет современных пьес. Лучшие драматические писатели почему-то молчат. Или другая проблема: так устали от кукиша в кармане, что в иных спектаклях вообще нет никакого смысла. Возможен ли без него русский театр? Россия ведь, как и Англия, и Польша, великая театральная держава. Это не каждой стране дано. Честно говоря, именно об этом я в Израиле тоскую. Там я не могу пойти, как в Москве, в любой театр, где обязательно есть что-то интересное. Вот явно не всеми принятый «Борис Годунов» во МХАТе — какие там два монолога у Ефремова! Никто и нигде так не сыграет.

— Но и в Москве театр больше не властитель дум.

— Так происходит во всем мире. Об этом с грустью говорят Артур Миллер, Эдвард Олби. Александр Адабашьян рассказывал мне о скандале в жюри по поводу присуждения «Феликса» — главной европейской кинематографической награды. Тула вошли продюсеры и потребовали награждать лишь те фильмы, у которых все в порядке с прокатом. Похожие проблемы я сам решаю каждый день: допустим, хочется сыграть «За закрытой дверью» Сартра или поставить «Душу поэта» О'Нила, но я знаю, что тех, кому это интересно, ничтожно мало. Выбираю другое.

Тонус жизни московской интеллигенции тоже поменялся. Реже стали собираться, больше работают, меньше свободного времени. Многие режиссеры и актеры привычно оппозиционный к политике стиль поведения сменили на участие в ней: Станислав Говорухин, Никита Михалков, Лидия Федосеева-Шукшина.

В застойные годы легче было жить в башне из слоновой кости. Сейчас страшит гражданская война, и мне кажется, разумнее не раскачивать лодку. Поэтому сам я не мог бы ставить так называемые шоковые спектакли: столько накопилось боли и горя, что искать в этом катарсис немилосердно. Если речь идет об искусстве, я — за мощный свет в конце тоннеля.